

ОДИССЕЙ

человек в истории

Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича

В этом номере:

Скандинавская мифология

История и литература

Историческая география

2025 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Исторический синтез
и научное наследие А.Я. Гуревича*

2025
№1

Москва
ИВИ РАН 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS Man in History

*Historical Synthesis
and the Scholarly Legacy of A. Ya. Gurevich*

2025
№1

Moscow
IWH RAS 2025

УДК 94

ББК 63.3(0)

О 42

Издание основано в 1989 году

А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.), Н.А.
БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь), О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А.
ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.; отв. ред.), О.В. ОКУНЕВА, М.Ю.
ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО, Л.П. РЕПИНА, Ж.-К.
ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. СИДОРОВ
кандидат исторических наук Н.А. СМЕРНОВА

Одиссей. Человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989. –

ISSN 1607-6184

2025. №1 (34): Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича / [гл. ред.
А.О. Чубарьян; отв. ред. С.И. Лучицкая]. - М.: ИВИ РАН, 2025. - 354 с.

Весь настоящий выпуск журнала «Одиссей. Человек в истории» посвящён материалам конференции, состоявшейся осенью 2024 г. и приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного, одного из ведущих представителей «новой исторической науки» XX века — А.Я. Гуревича. Тематика конференции охватывала широкий круг вопросов, связанных с творческим наследием учёного: от скандинавистики и социальной и культурной истории средневековой Европы до исторической теории и изучения самой истории исторического знания. Публикуемый том отражает богатство и многообразие научных интересов А.Я. Гуревича и демонстрирует жизнеспособность и актуальность созданного им направления — исторической антропологии.

Издание адресовано специалистам в области гуманитарных наук, студентам, а также всем, кто интересуется историей и современными подходами к её изучению.

© Коллектив авторов, 2025

© Лучицкая С.И., отв. ред. выпуска, 2025

© Институт всеобщей истории РАН, 2025

Оглавление

А.Я. Гуревич и Историческая Антропология

«Человек в истории»: гуманистические аспекты исследовательской парадигмы А.Я. Гуревича в работах 1970—2000-х гг. 9

Бычков П.С.

«Проблемы средневековой народной культуры» и полемика о смехе на Руси 28

Трахтенберг Л.А.

Исследования истории ереси и инквизиции как направление в современной историографии 51

Бакус Г.В.

Некоторые замечания о проблематике понятия «Другого» у А.Я. Гуревича и в современных общественных науках 81

Левинсон К.А.

Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы 95

Воскобойников О.С.

Скандинавская Мифология

Время древнескандинавской мифологии 123

Мельникова Е.А.

«Прядь о Торстейне Морозе»: инфернальное, страх и смех в отхожем месте (Эпоха викингов и Средневековый Восток) 145

Петрухин В.Я.

Древнеисландское «Видение Раннвейг» в контексте переводных скандинавских видений 161

Матюшина И.Г.

История и Литература

Средневековый мотив «адской охоты»: от ехемпла к новелле.....191
Стаф И.К.

«Книга путешествий» Джона Мандевиля и ее английские критики
 XVII в. 209
Тогоева О.И.

Николай Греч как русский Нодье? Эпизод из истории русско-фран-
 цузских литературных отношений 226
Мильчина В.А.

Из Истории Повседневной Жизни

Парижане под надзором полиции: деятельность секретных агентов
 во второй половине XVIII в. 243
Пименова Л.А.

Советские медиевисты в роли идеологов: Е.А. Косминский на посту
 главного редактора журнала «News» в 1952–1956 гг. 264
Шарова А.В.

Историческая География

Рождение *Норвегии* в географическом воображении допетровской
 России 301
Толстиков А.В.

Хроника Научной Жизни

Конференция, посвященная 100-летию А.Я. Гуревича, 30 октября
 — 1 ноября 2024 г., ИВИ РАН 335
Лучицкая С.И.

Об Авторах

Abstracts

Contents

A.Ya. Gurevitch and Historical Antropology 9

«Man in History»: Humanistic Aspects of the Research Paradigm of
A.Ya. Gurevich in His Works of the 1970—2000s
P.S. Bychkov 9

«Mediaeval Popular Culture» and the Discussion about Laughter in
Old Rus'
L.A. Trakhtenberg 28

Heresy and Inquisition Studies as a Trend in Recent Historiography
G.V. Bakus 51

Some Remarks on the Trajectories of the Concept of the «Other» in
the Humanities of the Late 20th century
K.A. Levinson 81

Worldviews and Styles of Thought in Medieval Europe: Framing the
Problem
O.S. Voskoboimikov 95

Old Norse Mythology 123

Time in the Old Norse Mythology
E.A. Mel'nikova 123

The Tale of «Thorsteinn the Frost»: Infernal, Fear and Laugh in the
Latrine (Viking Age and Medieval East)
V.Ya. Petrukhin 145

Leizla Rannveigar in the Context of Old Norse Translated Visions
I.G. Matyushina 161

History and Literature 191

The «Hell-Hunting» Motif: Exempla and Novella
I.K. Staf 191

The «Book of Travels» by John Mandeville and its English Critics of the 17 th century <i>O.I. Togoeva</i>	209
---	-----

Nikolai Grech as a russian Nodier? An Episode from the History of Russian-French Literary Relations <i>V.A. Milchina</i>	226
---	-----

From the History of Everyday Life 243

Parisians under Supervision: The Activities of Secret Police Agents in the Second Half of the 18 th Century <i>L.A. Pimenova</i>	243
--	-----

Soviet Medievalists as the Ideologists: E.A.Kosminski as Editor-in-Chief of «News» Magazine in 1952-1956s. <i>A.V. Sharova</i>	264
---	-----

Historical Geography 301

The Birth of 'Norway' in Pre-Petrine Russia's Geographical Imagination <i>A.V. Tolstikov</i>	301
---	-----

Chronicle of Sclary Life 335

The Conference in Honor of 100 th Anniversary of A.Ya. Gurevitch, Okt. 30 — Nov. 1, 2024. IWH RAS, Moscow <i>S.I. Luchitskaya</i>	335
---	-----

List of Authors 341

Abstracts 345

Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы

Воскобойников О.С.

DOI: 10.32608/1607-6184-2025-34-1-5

Аннотация: Статья представляет из себя ряд методологических размышлений о культуре Западной Европы высокого Средневековья, XI — XIV вв. Прогресс науки о природе в этот период привел Запад к тому лидерскому положению в целом ряде областей жизни, которое он занимал на протяжении столетий. Как именно развитие знаний о природе отразилось на стилях словесности и стилях мышления европейцев — об этом пишут меньше. Это связано с размытостью понятия стиля. Поэтому необходимо вырабатывать конкретные исследовательские приемы и теоретическую парадигму для изучения соответствующих текстов и изображений. Историография XX столетия на основных европейских языках дает для такого методологического поиска целый ряд замечательных источников вдохновения. Насущной задачей медиевистики является также пересмотр переводческих практик.

Ключевые слова: наука о природе, средневековая культура, стиль, иконография, теория перевода, Ренессанс XII века.

Примерно 30 лет я изучаю представления о мире средневекового человека. Нетрудно догадаться, что этот интерес связан с книгами Арона Гуревича и, в особенности, с его лекциями, которые он читал в МГУ весной 1994 года. За это время мои штудии о конкретных текстах, людях и проблемах обросли разного рода методологическими размышлениями. Попытаюсь свести их в относительно единое целое.

Картина, или как мне хотелось бы говорить, картины мира высокого Средневековья, XI-XIV вв., напрямую связаны с Ренессансом XII века. В этом возрождении большое место занимала *scientia naturalis*, буквально «наука о природе», «естествознание». Именно Ренессанс XII века в лице своих лучших мыслителей ввел поня-

тие *scientia naturalis* в интеллектуальную культуру; начали складываться и понятийный аппарат, и то, что сейчас принято называть проблемным полем. Мы вправе считать этот род знаний непосредственным предшественником и ренессансной натурфилософии, и физики, биологии, математики, химии, медицины Нового времени.

Историки науки и философии установили эту преемственность уже в начале XX столетия, однако многие нюансы в науке о природе интересующего нас времени остаются не проясненными. Важной требующей разрешения научной проблемой я считаю необходимость раскрыть связь поисков и открытий в этой области знаний с общемировоззренческим, интеллектуальным фоном Запада в XI — XIV вв., с особенностями творческих подходов мыслителя, писателя и художника. Именно поэтому последние годы я ищу связи между *scientia naturalis* и стилями мышления, сформировавшимися в средневековой культуре. Последнее понятие, такое же ключевое для меня, как и первое, нуждается в разъяснении. Как стили мышления связаны со стилями словесности и изобразительного искусства?

Не существует общепринятого определения стиля ни в литературоведении, ни в искусствознании, тем не менее считающих именно его одновременно одним из важнейших предметов своего изучения и категорией, инструментом своей работы. Еще меньше ясности с ним в истории философии. Историка же и вовсе может поставить в тупик проблема стиля. Он, может быть, не хуже Сартра понимает, что «стиль должен остаться незамеченным»¹. Как же искать то, что *по определению* скрывается? Исторiku нужно то, что зримо, доступно верификации, желательно еще и с запахом человечины, как сто лет назад выражался Марк Блок. И еще: разве есть *стиль* в войне, революции, постройке дороги, двойной бухгалтерии или парламентских дебатах? На самом деле — есть. Потому что стиль появляется везде, где есть мысль, нуждающаяся в выражении в слове, предмете или художественном образе. По этой простой причине и предлагаемая статья строится на *идеях*, отразившихся в *текстах* и *образах*.

В такой специфической гуманитарной области, как социология знания, проблема стилей мышления, формирующихся в объеди-

¹ Sartre. 1948: 30. Выполненный А.К. Авеличевым достойный русский перевод первой главы этой книги: Сартр. 1987: 313 — 334, здесь с. 325.

ненных этими стилями общностях, «мыслительных коллективах» (труднопереводимое немецкое *Denkkollektive*), была четко сформулирована уже в конце 1920-х гг. Карлом Мангеймом. Он, живший и писавший в Веймарской Германии, видел именно в них научно верифицируемые проявления «коллективно-бессознательного», скрытые от нас мотивы «духовного брожения нашего времени»². Его подход был вскоре подхвачен и осмыслен в более историческом ключе, в связи с Ренессансом, Людвигом Флеком³, а вслед за ним отразился в истории науки. Томас Кун стремился продемонстрировать не сходства, а отличия между прогрессом научного знания и прогрессом других областей культуры. Он тоже признавал, что научному мышлению присущ стиль и что во внедрении «парадигм» в «нормальную науку» большую роль всегда играло то, *как* они формулировались и как воспринимались, входили в обиход⁴. Алистер Кромби, также один из самых авторитетных представителей истории науки, считал возможным говорить о «стилях научного мышления» как основной категории своей дисциплины. Он исходил из того, что язык во все времена — и во все времена по-разному! — влиял на формирование научных концепций, что внутри одной и той же цивилизации сосуществуют различные картины мира и что осмыслить этот парадокс историк науки может лишь сделавшись в определенной мере антропологом. Историк-антрополог должен увидеть концепции науки сквозь призму моральных, практических, культурных, экономических и политических запросов конкретного общества⁵.

Как верно отмечал Л.М. Баткин в связи с культурой Возрождения, «чтобы история мысли предстала как история культурного сознания в самом широком смысле, нужно подвергнуть анализу не столько предметное содержание итальянского гуманизма, сколько стиль философствования: не столько что думали гуманисты, сколько как они это делали». Исследователя, писавшего «групповой портрет» ренессансных философов, интересовали не «взгляды гуманистов», не «готовые идеологические и теоретические результаты, а скрывавшийся за ними способ выработки результатов, своеоб-

² *Mannheim*. 2015: 30.

³ *Fleck*. 1935. См. также комментированный Томасом Куном и Тадеушем Тренном отличный английский перевод, который и сделал эту работу влиятельной: *Fleck*. 1979: 158 — 162.

⁴ *Кун*. 1977: 209, 272.

⁵ *Crombie*. 1994. Vol. 1: 7 — 23.

разная манера ставить вопросы, спорить, аргументировать»⁶. Предложенный Л.М. Баткиным в конце 1970-х гг. подход к истории мысли на самом деле во многом сродни не только любимому им Бахтину. Мишель Фуко, тогда еще малоизвестный в СССР, искал исторически зафиксированные формы знания в «стиле высказывания»⁷. В целом же баткинское понятие стиля мышления представляется мне плодотворным для решения сформулированной выше проблемы. Если вслед за Полем Валери считать стиль «формой смысла»⁸, то моя цель — не раскрытие содержания доктрин как такового, но нахождение тех творческих приемов, которые к возникновению этих доктрин привели.

Однако я должен внести в баткинскую парадигму некоторые необходимые уточнения. Во-первых, моя цель — не коллективный портрет мыслителей и художников XI — XIV вв. Их «стиль жизни», в силу характера и сохранности источников, не поддается столь детальной реконструкции, на какую может рассчитывать ренессансист, изучая итальянцев следующих двух столетий. Во-вторых, философствование — лишь одна из форм постижения действительности во все времена, и Средневековье не исключение. Сами границы философии в эпоху схоластики были такими же зыбкими, как в век гуманистов. Поэтому в поле нашего зрения должны попасть не только философы и философские сочинения, но и богословы, медики, астрологи, поэты. В-третьих, «стиль мышления» и вообще мир идей формируется не только мыслителем, интеллектуалом, но и художником. Художник же — скульптор, мозаичист, ювелир, миниатюрист, архитектор — может быть интеллектуалом, но вовсе не обязан им быть. Потому что искусство, в Средние века, как, опять же, во все времена, не только работа дискурсивной мысли, выражающейся, например, в заказе, указе или наказании. Оно также ремесло, техника, работа руки, но не механическая, а творческая.

Размышляя над связью между ремеслом и мыслью, историки искусства иногда говорят о «мыслящей руке», потому что рисунок, даже очень быстрый, передает мысль зачастую намного более непосредственно, чем речь или текст⁹. Но такое одушевление больших процессов методологически опасно: метафоры не невинны и легко

⁶ Баткин. 1995: 49 — 50.

⁷ Foucault. 1969: 50.

⁸ Rey. 2013: 145-158.

⁹ Bredekamp. 2011: 177 — 210.

овладевают нашими мыслями и делами. Стиль в искусстве — форма смысла, но не только форма мысли. Его можно считать результатом такого образа действий, при котором одновременно проявляются и неосознанные побуждения, свойственные творческой индивидуальности, и факторы, относящиеся как к бессознательному, так и к созидательному сознанию. Некоторые из факторов, определяющих стиль произведения, происходят то из самых потаенных глубин памяти и чувств индивида, то из умышленных заимствований из эстетического словаря, который историк искусства должен постараться реконструировать¹⁰.

То же в определенной степени относится к художественным формам творчества в словесности — к таким формам, которые оказываются на грани литературной фикции, фабулы, философского поиска истины и религиозного устремления к единению с божеством. И все же сегодня медиевисты с полным основанием говорят и о «художественном мышлении», и, вслед за Морисом Бланшо, о «пространстве литературы», и, вслед за Пьером Франкастелем, о «фигуративной мысли». Каждой такой форме духовной деятельности присущи свои стили, иногда аналогичные по тональности, по источникам вдохновения, по культурным задачам. Таким образом, реконструкция *стилей мышления* эпохи, в их связях с прогрессом знаний о мире, *scientia naturalis*, должна основываться на многоплановом анализе идей, текстов и образов.

Разделение на форму и содержание в изучении всего и вся для большинства из нас — наследие школьной скамьи, закрепленное затем университетом. Источниковедение, которому обычно обучают историка, дает многое, в том числе, во внешней и внутренней критике источника. Для решения же задач истории культуры я не вижу необходимости игнорировать или недооценивать «содержание» ради «формы» и наоборот. Их дихотомия довольно условна. То, что сказано в слове или явлено в образе, можно понять и описать, только поняв то, как оно сказано или явлено.

Именно анализ стилей мышления и конкретных образов, идей, высказываний позволит нам по-новому описать и осмыслить христианскую картину миру образованного европейца XI — XIV вв., его представления о мире и своем месте в этом мире, систему моральных ценностей. Поскольку речь идет о Средневековье, склады-

¹⁰ *Резт.* 2014: 323.

вающиеся в связи с этими представлениями отношения между человеком и божеством обретают и для исследователя ключевое значение. Форма молитвы, мелодия песнопения, богослужбная практика, количество цитат из Библии в проповеди, высота свода над головой верующих — все это одновременно «содержание» и «форма», суть и рама, действие и стиль этого действия. Когда в начале XII в. Гвиберт Ножанский иронично замечает, что Богу нет дела до грамматики, он лукавит: его современники, оттачивая свою латынь, прекрасно понимали силу вероучительного высказывания¹¹. И эту силу тоже можно и нужно называть стилем.

Я говорю именно о христианской картине мира, потому что понимаю, что христианством средневековая картина мира, даже в Западной Европе, не исчерпывается. Хорошо известно, что она складывалась из целого ряда элементов, от античного язычества до язычества германского, кельтского, славянского. Известно также, что и в классический период, который нас здесь интересует, уже глубоко христианизированная Европа начала активно впитывать новые для себя элементы, отчасти переосмысляя их в библейском ключе, отчасти перестраивая унаследованные от собственной религиозной традиции концепции и догмы. *Scientia naturalis* и стили мышления — одновременно факторы этого процесса и его результаты.

Эта трансформация имела огромное историческое значение, и реконструкция ее с помощью современных методов гуманитарных наук дело не только увлекательное, но и актуальное. Средневековая культура в целом, в том числе ее расцвет XII — XIII вв., зачастую описывается в категориях традиционализма, символизма, догматизма. Резонно говорят и пишут о подражании, копировании, цитировании, «пережевывании». Все эти слова по-своему верны, за ними стоит латиноязычный категориальный аппарат того времени, но в качестве объяснительных категорий они не панацея. Даже в очень хороших исследованиях о средневековой культуре она предстает картиной, пусть написанной яркими, экзотическими красками, но не рассказом, а именно картиной, скрывающей тот простой факт, что средневековый человек *тоже* менялся. Даже если многое в жизни простого труженика оставалось прежним вплоть до Индустриальной революции, а то и позже. Вместе с ним менялись его представления о мире.

¹¹ «Non est Deus grammaticae curiosus». *Guibert de Nogent*. 1993: 109 (I, 739).

* * *

Может показаться, что я очень легко и не задаваясь лишними вопросами перепрыгиваю с текстов на изображения. Будто «визуальные источники» не требуют собственных методов изучения. Требуют. То, что они не дополнение к чему-то главному и не иллюстрация, знает любой практикующий историк, и у нас есть множество добротных пособий, вводящих в курс дела¹². В целом ряде конкретных случаев мы вообще не имеем права отделять некий «текст» от некоего «изображения», поскольку они неразрывно связаны на носителе информации, будь то рукопись или портал храма.

Историку культуры нужно искать такие пути описания и анализа памятников, которые не навязывали бы искусствознанию приемы, этой науке чуждые. И наоборот: применение методов, разработанных классической и современной наукой об искусстве, должно привести к решению вопросов именно истории культуры, а не только истории искусства. Если в расширительном смысле воспользоваться терминологией, некогда разработанной Фаворским для искусства книги, для меня средневековая иллюстрированная рукопись — «пространственное изображение текста»¹³.

Те же проблемы методологии касаются и работы с текстами. Чтобы междисциплинарность, постулируемая фактически в любой выпускной работе или диссертации по гуманитарным наукам, не вылилась в бездисциплинарность, следует оперировать понятийным аппаратом соответствующих наук, избегая, как выразился Михаил Бахтин, «драк на меже»¹⁴. Бессмысленно подходить к прозиметру XII в. с теми же критериями, которые мы применяем к нормативным документам или к хронике. Литературная фикция по определению не отражает какую-либо реальность, она ее выстраивает перед мысленным взором читателя. Но и хартия, и протокол заседания ученого совета или допроса еретика порой выдают желаемое за действительное.

«Страшный суд» на тимпане собора XII в. не позволит нам узнать, каким его — настоящий Судный день — на самом деле ожидали увидеть создатели и зрители тимпана. Но картины мира, пред-

¹²У Питера Берка слово «стиль» встречается десятки раз: *Берк*. 2023.

¹³*Фаворский*. 1988: 319.

¹⁴*Бахтин*. 1979: 391.

ставления коллективов о себе и мире складывались под впечатлением от текстов и образов. А те, в свою очередь, создавались с помощью тех выразительных средств, которые в литературоведении называются поэтикой (исторической, теоретической, нормативной) или литературной теорией. В нашей стране, как известно, история культуры часто и камуфлировалась этим понятием, как эстетикой и семиотикой. В советское время историческая поэтика дала образцы новаторских, смелых, лишенных какой-либо догматичности исследований в творчестве формалистов, Б.В. Томашевского (не формалиста, но за формализм уволенного из ЛГУ), А.Н. Веселовского, О.М. Фрейденберг, Б.И. Ярхо, М.М. Бахтина и Д.С. Лихачева, затем Е.М. Мелетинского, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, А.Б. Куделина, М.Л. Андреева и других¹⁵. В западном медиевистическом литературоведении параллельное движение можно было наблюдать в творчестве П. Зюмтора, Ч. Сегре, Х.Р. Яуса, затем у М. Зенка, У. Эко, П. Дронке, П. Бурген, Бр. Стока.

В изучении средневековой латинской словесности, в особенности памятников Ренессанса XII века, этими поколениями сделано много, но в цехе историков, даже на Западе, достижения литературоведения зачастую воспринимаются пассивно. У нас же изучение латинской литературы Средневековья, мягко говоря, не самая сильная сторона классической филологии, дисциплины, сохраняющей прекрасные традиции и высокий уровень квалификации. Может ли историк, не имеющий филологического образования, браться за восполнение лакуны, в которой вроде бы не его дисциплина повинна?

Методология, за которую я по мере сил ратую последние годы, не принадлежит какой-то конкретной школе или какому-то направлению. Тем страшнее чувствовать себя еще и вне дисциплинарных рамок, которые обычно действуют одновременно успокоительно и отрезвляюще, оберегают от никчемных притязаний на исключительность. В этой связи мне хотелось бы остановиться на некоторых историографических тенденциях XX столетия, которые имеют к моим сегодняшним размышлениям непосредственное отношение.

¹⁵См., например, методологически важный обзор исторической поэтики в применении к литературам древности, Средневековья и раннего Нового времени: Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. 1994: 3 — 38.

* * *

Есть целый пласт медиевистической литературы, который невозможно назвать школой или свести к единому методологическому знаменателю. Это поколение немцев, французов и австрийцев, родившихся на рубеже XIX — XX вв., до Первой мировой войны. Многим, особенно евреям по происхождению, пришлось оставить гитлеровскую Германию ради других берегов: Эрнст Канторович, Рихард Краутхаймер, Отто Пехт, Отто Демус, Фриц Заксль, Герхард Ладнер, Эрвин Панофский, Пауль Франкл, Эрих Ауэрбах и многие другие. Я условно называю их «поколением 1900 года». Они усвоили гуманитарные дисциплины в том особом единстве, которое преподавалось в лучших германских университетах на рубеже XIX — XX вв. Свои основательные, как у итальянских гуманистов, знания древности и основных языков Европы они применили к текстам и памятникам, еще мало интересовавшим их учителей. Возможно, они «прятались» в Средневековье от ужасов, пережитых всей едва не погибшей тогда Европой. Сегодня в медиевистике уже не спрятаться. Без их вклада, повторю, не называемого громким именем школы, немыслимы все многочисленные методологические находки и повороты в гуманитарных науках последних десятилетий.

История средневековой интеллектуальной культуры как специфическая область знаний сложилась, как мне представляется, в начале XX в., в поколении Эмиля Маля, Йехана Хёйзинги, Чарльза Хаскинса, Льва Карсавина и Петра Бицилли. Я понимаю всю спорность такой датировки и даже готов, противореча себе, утверждать, что отсчет можно вести и от «Гения Христианства» (1802 г.) Шатобриана, в эмиграции зарабатывавшего на хлеб транскрипцией средневековых хартий. Рождение романтизма, как известно, совпало и с рождением медиевистики. Такую же знаковую роль можно со всеми основаниями придать знаменитым высказываниям Гёте о Страсбурге, Кельне и Милане, «Собору Парижской Богоматери» Гюго, появлению после Наполеоновских войн терминов «романика» и «готика» и даже неоготике в европейской архитектуре. Возникновение сначала «романтической», а затем профессиональной археологии, государственных обществ охраны памятников с соответствующими ресурсами и компетенциями стали для истории искусства такими же необходимыми подспорьями, как серии по критическому изданию текстов — для историков и литературоведов.

Только разработка технических приемов реставрации, описания и анализа памятников, филологической критики, первые факсимильные и фотографические воспроизведения иллюстрированных рукописей и сделали возможными первые опыты историко-культурного синтеза рубежа XIX — XX вв. И все же по сравнению с буркхардтовской «Культурой Италии эпохи Возрождения» эти опыты опоздали на треть века¹⁶. Монументальная «Латинская патрология», выходявшая под руководством аббата Жак-Поля Миня в Париже в середине XIX в., сегодня резонно считается изданием по большей части (хотя и не полностью) ненадежным, слишком спешным. По филологической основательности она не сопоставима ни с *Monumenta Germaniae Historica*, ни с другими подобными проектами тех лет, многие из которых продолжают по сей день. Однако мы должны понимать, что именно эти 220 томов, теперь доступные в любой точке планеты, были для поколений ученых главным источником информации по тому, что мы сейчас называем интеллектуальной христианской культурой.

Ситуация со средневековыми текстами начала меняться к лучшему во второй половине XIX столетия, когда возникли первые кафедры истории средневековой философии. Параллельно появлялись и кафедры истории средневекового искусства, но никакой систематичности и здесь не наблюдалось. Достаточно представить себе, что Эммануэль Вьолле-ле-Дюк, знаток по эрудиции и преданности Средневековью сопоставимый с аббатом Минем, был выставлен из парижской Школы изящных искусств из-за жалоб студентов.

Определенный резонанс получила булла Льва XIII *Aeterni Patris* (1879). Она поставила перед католическими школами задачу «возродить христианскую философию согласно духу Ангелического доктора — св. Фомы Аквинского». Высшая церковная власть Запада, если верить воспоминаниям Эрнеста Ренана, медиевиста по образованию, стремилась таким образом заменить ту специфическую «картезианскую схоластику, смягченное картезианство, которое утвердилось в католическом образовании с XVIII века»¹⁷. Эта позиция

¹⁶ Сам Буркхардт в 1880-х гг. констатировал и это опоздание созданной им науки о культуре, и сохраняющее свои традиционные позиции пренебрежение к духовному наследию Средневековья, с его точки зрения совершенно неприемлемое и незаслуженное. *Буркхардт*. 2004: 270 — 278.

¹⁷ *Renan*. 1948: 843. Диссертации этого ученого, влияние которого в культуре своего времени трудно переоценить, были посвящены греко-латинским связям в Средние века и влиянию на средневековую схоластику ибн-Рушда. *Renan*.

Римской Церкви, по-прежнему очень значимого института трансляции исторических знаний, сказала положительно и на изучении схоластики, и на новом интересе к текстам, схоластику готовившим и даже ей «противоречившим», от парижских аверроистов до арабских аристотеликов.

Возникший на волне очередного католического ренессанса неотомизм (или неосхоластика) стал и формой философии, и формой исторического поиска. Диалог между верой и новой наукой воплотился в канонизации в 1931 г. энциклопедиста XIII в. Альберта Великого в качестве небесного покровителя физики. Целая плеяда глубоко верующих католиков заложила основы исторической интерпретации философских, научных, художественных достижений классического Средневековья: Этьен Жильсон и Мартин Грабман для философии, Пьер Дюэм, Жак Маритэн и Поль Танри для истории науки, Эмиль Маль — для истории искусства.

Вместе с тем, булла в XIX в. сохраняла часть своих средневековых функций: требуемый ей «дух Ангелического доктора» не мог не дать и соответствующего крена в гуманитарной науке, если она претендовала на свободу от религиозной ангажированности¹⁸. Фома — и только он — стал альфой и омегой, символом и образцом. Даже крупные мыслители XI — XIV вв. превращались в смысловую «раму» для портрета главного святого философа. Сейчас трудно себе представить, что великий Жильсон не создал настоящей школы, хотя преподавал в нескольких университетах. Его друг, замечательный историк средневековой мысли доминиканец Мари-Доминик Шеню, в 1930-х гг. не без влияния «Анналов» выступал с проектом всестороннего изучения средневековой мысли в ее связи с социальными и другими факторами. Он не получил одобрения Ватикана, а проект во время Второй мировой войны даже попал в «Индекс запрещенных книг». Между тем, его работы о богословии XII — XIII вв., в которых богословие понимается намного шире, чем у многих его современников, не теряя профессиональной спецификации, оказали значительное влияние на изучение средневековой культуры¹⁹. Мартин Грабман в молодости, в 1900-х гг., написал фундаментальную, до сих пор не превзойденную по широте охвата «Историю схоластического метода». Затем он обратился к истории

[1866]. Первая из них, как ни странно, издана лишь недавно: *Renan*. 2009.

¹⁸ *De Libera*. 2003: 13 — 18.

¹⁹ *Chenu*. 1966; *Chenu*. 1969.

христианской рецепции Аристотеля, что привело его к сложной для верного католика проблеме соотношения свободы и цензуры в истории мысли зрелого Средневековья²⁰.

Читая работы этих классиков медиевистики, мы должны понимать, что они считали своим долгом вернуть современной для них культуре не только Фому или Абеляра, но и давно забытые имена, тексты, стили мышления и словесности. Как и средневековые авторы, поколение Жильсона и Грабмана решало для себя вечный вопрос о соотношении веры и разума, науки и Откровения, причем решало не только с академическим пафосом дистанции, отстраненно, исторически, но и на мировоззренческом уровне²¹. Не менее важно и то, что многие из них, как и всякий историк, не довольствовались тем, что стояло на полках в виде более или менее надежных изданий, но шли к рукописям.

Уже в конце XIX в. в Мюнстере возникла серия филологически надежных изданий средневековых философских текстов под редакцией Клеменса Боймкера (*Beiträge zur Geschichte der mittelalterlichen Philosophie*). «Философию» издатель понимал достаточно широко и включал в серию оптику, богословие, вероучительные тексты. Если Жильсону в целом хватало того, что предоставляла для его личного пользования библиотека Сорбонны, то Грабман всю жизнь провел в рукописных собраниях. Тем не менее, тот же Жильсон сумел стимулировать работу с неизданными текстами — титанический труд Мари-Терез д'Альверни характерный тому пример²².

Одновременно с «Анналами экономической истории» Блока и Февра в 1920-х гг. возник «Архив доктринальной и литературной истории Средневековья» под руководством Жильсона и Тери²³. Он поставил своей задачей публикацию как программных статей, так и исследований по узким сюжетам и, что не менее важно, латинских текстов, зачастую довольно крупных. Жильсон, благодаря своему авторитету, решал едва ли не всё на площади Сорбонны, где по сей день стоит магазин издательства Vrin, за столетие издавшего сотни текстов, зачастую выходящих за рамки философии. Требовалась

²⁰ *Grabmann*. 1941; *Grabmann*. 1939.

²¹ *Жильсон*. 1992: 3 — 48.

²² Ее работы 1940 — 1980-х гг. собрал Чарльз Бернетт и издал в серии *Variorum: d'Alverny*. 1993; *d'Alverny*. 1994.

²³ *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. Сегодня главный редактор этого журнала — Мария Сорокина.

принципиальная, вовсе не ограниченная неотомизмом интеллектуальная открытость и лидера, и его последователей, чтобы понять, что средневековая мысль — не только философия, а философия в Средние века — не то же, что Платон, Кант или Бергсон. Поэтому поддержанная ими *histoire doctrinale et littéraire*, т.е. история идей и словесности, важная веха в той модели истории культуры, за которую я высказываюсь.

Описанная выше связь исследования с критическим изданием фрагмента или целого, представленная и другими журналами, и другими странами, стала доброй традицией, основой строго научного изучения интеллектуальной культуры Средневековья. Сейчас в периодике таких рупоров истории средневековой культуры, науки и словесности уже можно назвать до двух десятков, включая, в какой-то степени, и наши «Средние века», и «Одиссей». Но между двумя войнами, в 1920 — 1930-х гг., их появление стало событием, для моей области не менее важным, чем хорошо всем известное рождение из «Анналов экономической истории» школы и стиля исторического исследования. Очень важно подчеркнуть, что история мысли, в медиевистике во всяком случае, никогда не считалась с языковыми и национальными границами, поэтому нельзя говорить и о какой-либо национальной школе, о большем или меньшем влиянии, скажем, немцев, французов или итальянцев.

Характерный пример такого транснационального и даже транс-континентального диалога — творчество гарвардского медиевиста Чарльза Хаскинаса²⁴. Именно ему удалось сделать достоянием науки сейчас всем хорошо известное понятие «Ренессанса XII века». Но удалось ему это не только потому, что он сумел описать культуру этого столетия достаточно убедительно и красочно, чтобы поставить его любимое столетие вровень с буркхардтовским итальянским Возрождением. Не менее важно то, что в основе исследовательского метода Хаскинаса и его преподавания, которому многим обязана американская медиевистика, лежал непредвзятый, никем и ничем не контролируемый взгляд на рукописные научные тексты, на словесность и на лежащие за ней особенности сознания образованного европейца XII — XIII вв., на христианскую картину мира, трансформировавшуюся под влиянием контактов с арабским миром и, через него, с собственным античным наследием. Его «Исследования

²⁴ *Хаскинс*. 2025; *Haskins*. 1924; *Haskins*. 1929.

по истории средневековой науки», «Исследования по средневековой культуре» и «Ренессанс двенадцатого века» вышли с разницей в несколько лет в 1920-х гг. Это настольные книги всякого историка средневековых знаний, как и первые памятники истории ментальностей, будь то «Осень Средневековья» или «Короли-чудотворцы» для историка-антрополога.

Хаскинс, как Блок и Февр в социальной и экономической истории, открыл новые пути в истории науки и культуры Средневековья²⁵. Но он не был одинок. Смещение акцентов с центральных фигур на фигуры менее значимые подействовало на исследования о культуре XII — XIII вв. так же оздоравливающе, как своеобразное «обмирщение» медиевистики в целом, ее выход в университеты. Я не уверен, что корректно выделять в нашей области «католическую» и «светскую» школы: верующие и неверующие историки не всегда оказывались по разную сторону баррикад. Доминиканец Эдуар Жоно в свое время приветливо отзывался о работах Н.А. Сидоровой... Тем не менее, если вчитаться уже в первые работы Туллио Грегори о философии XII века, совершенно очевидно, что он видел свою задачу, не только историческую, но и общегуманитарную, в том, чтобы продемонстрировать свободу философии и человеческой мысли от религии в те далекие клерикальные времена, в частности — в Шартре Гильома Коншского²⁶.

То же после Второй мировой войны в литературоведении показали на средневековом материале Эрих Ауэрбах и Эрнст Роберт Курциус. Их важнейшие работы теперь доступны в отличных переводах²⁷. Для этих замечательных ученых, всегда корректно относившихся к роли христианской составляющей в истории средневековой мысли и словесности, важно было продемонстрировать, что этой составляющей принадлежала лишь одна из ролей, что словесность сохраняла свою самостоятельность по отношению к Откровению, что оно объясняет в средневековой культуре многое, но не все, что в конце концов у христианского Средневековья вообще *была* собственная литература. В этом их дело сродни делу Февра и

²⁵Список из добротных книг о Ренессансе XII века на всех основных языках был бы слишком длинным, чтобы приводить его здесь. См., например, материалы масштабной юбилейной конференции, ставшие в свою очередь важным этапом в историографии этой темы: Renaissance and Renewal. 1982, а также Dinzelbacher. 2017: 279 — 284.

²⁶Gregory. [1955]; Gregory. 1958.

²⁷Ауэрбах. 1976; Ауэрбах. 2004; Ауэрбах. 2022; Курциус. 2021.

поискам Бахтина.

Мы должны себе представить, что их книги вышли в те сложные годы, когда властитель дум мог сколь авторитетно, столь же безапелляционно заявить, что «чистая совесть средневекового клирика расцветает на могиле литературы»²⁸. При этом Сартр вовсе не мракобес, как покажется любому медиевисту. Он просто принимает, как многим казалось и кажется по сей день, позицию интеллектуала, арбитра, эдакого узника свободы, осуждающего, впрочем, вслед за Жюльеном Бенда, «предательство клерков»²⁹. Сведение счетов с непосредственными предшественниками и современниками за счет далекого прошлого типично для переломных эпох. Первая книга совсем молодого тогда Ле Гоффа уже самым своим заглавием, «Интеллектуалы в Средние века»³⁰, несла полемический заряд. Для большинства французов 1950-х гг., поколения, подвергнутого сомнению более или менее все и вся, такое словосочетание звучало диковато. Но в отличие от неотомистов Жильсона или Маритэна, таких «мирян», как Ле Гофф и Грегори, Курциус или Зюмтор, трудно было уличить в клерикализме.

* * *

Наука, в отличие от других форм знания, оперирует верифицируемыми фактами, гуманитарная наука — не исключение. В истории мы вправе называть этот принцип историзмом, поскольку как историки мы должны отличать правду, факт, свершившееся событие от вымысла, домысла и даже от добротной реконструкции факта. Цель историка — на глазах у читателя или слушателя выстроить череду событий в максимальном приближении к тому, как они произошли, в причинно-следственных связях. Широкий читатель или слушатель в праве ожидать еще и «урока»: вывода, оценки, назидания. А то и перста указующего. В истории культуры статус фак-

²⁸ «La bonne conscience du clerc médiéval fleurit sur la mort de la littérature». Sartre. 1948: 94. Bonne conscience нужно понимать во всем спектре значений от «добросовестности» до «самодовольства».

²⁹ Sartre. 1948 :90 — 93. Известная сейчас книга Ж. Бенда «La trahison des clercs» вышла в 1927 г. и в новой редакции 1946 г. была переведена на русский как «Предательство интеллектуалов», потому что русское «клерк» действительно мало соответствует тому значению, которое вкладывается в слово *clercs* во французском XX века. Речь об «интеллектуалах», наследниках средневековых клириков, на протяжении столетий обладавших почти исключительным правом на интеллектуальное творчество и трансляцию знаний. Бенда. 2009.

³⁰ Ле Гофф. 2004.

та иной. Высказанная кем-то зачем-то когда-то мысль, созданный кем-то для кого-то где-то памятник, что-то изображающий, — уже факты, нуждающиеся в описании, анализе и объяснении. С одной стороны, произведение искусства или литературы по определению субъективно и многозначно, с другой, во всяком художественном творении предьявлена истина, потому что оно само по себе уже событие, микромодель бытия, оно «раскрывает присущим ему способом бытие сущего»³¹.

При таком подходе вряд ли имеет смысл утверждать, что зафиксированная в любом виде мысль по определению «правдива» или «ложна», отражает «реальность» или искажает оную, а памятник искусства доносит до нас, скажем, образ человека или Бога таким, каким его якобы «видели» или «представляли себе» современники. И тексты, и произведения искусства не зеркала, даже если в Средние века это слово любили использовать в названиях и подписях³². Они умеют красноречиво молчать или, напротив, рассказывать не то, что имеют в виду их создатели, они намекают, отсылают, напоминают, угрожают, утешают, обвиняют. Они предполагают различные уровни интерпретации сегодня, потому что, как памятники культуры, рассчитывались на различные уровни толкования уже тогда, когда создавались. Сравнительный анализ тех и других, мысли дискурсивной, высказанной, и мысли, как выразился Пьер Франкастель, «фигуративной»³³, позволит не только усовершенствовать инструментарий гуманитарных наук, но и нюансировать наши представления о развитии истории культуры.

Я исхожу из того, что любой текст прошлого, написанный на чужом для нас языке, «мертвом» или «живом», не может быть понят, пока он критически не издан и не переведен на родной для нас язык, на язык нашей культуры и нашей науки. У меня нет псевдопатриотического желания выделить отечественную медиевистику в какую-то самостоятельную область знания со своими правилами, отличными от других национальных или наднациональных школ. Я не претендую и на то, что всякий историк культуры обязан приводить длинные цитаты в собственном переводе — всё зависит от решаемых задач. Но он должен опираться либо на рукопись, подходя к ней критически, либо на критическое издание, понимая как оно

³¹ Хайдеггер. 1987: 281 — 285.

³² Kessler. 2011: 1 — 41.

³³ Франкастель. 2005: 14. Современное состояние вопроса: *Alloa*. 2011: 7 — 14.

сделано и, следовательно, насколько надежно оно передает мысль прошлого во всех ее деталях. Попробую объяснить, почему, при всей тривиальности, это важно методологически.

Я уверен, что стиль мышления выражается в порядке дискурса, стиле письма, в риторике, в лексике изучаемого текста, в иконографии и стиле памятника. Фигуративное свидетельство мы можем лишь описать, подбирая эпитеты и категории дискурсивной, т.е. струящейся мысли, балансируя между технической терминологией и метафорикой³⁴. Мрамор, известняк, лист пергамента или бронза по определению молчат. Мы можем лишь определить, кто изображен, а в том, как он изображен, вычленив интересующие нас особенности создавшей этот образ культуры. Средневековый текст на латыни или ином древнем языке поддается переводу. Причем русский язык на самом деле обладает удивительной гибкостью в передаче и поэзии и прозы других языков. Мы обязаны этим преимуществом воспользоваться, даже если такая задача, на первый взгляд, ограничена интересами национальной, а не мировой медиавистики. Рецепция средневековой литературы в современном обществе является непрямым условием понимания той картины мира и тех стилей мышления, которые мы стремимся реконструировать.

Перевод — такой же методологический эксперимент, как решение конкретной исторической задачи, реконструкция фактов. Переводчик чаще всего работает с изданием, по возможности, критическим, профессионально подготовленным. Поэтому хорошо, когда он понимает не просто природу конкретного сочинения, за которое он взялся, но и весь путь, пройденный этим сочинением от древнейшей рукописи до его рабочего стола. В западной медиавистике серьезно настроенную молодежь обычно тренируют, выдав для разбора какой-нибудь средневековый текст в десяток рукописных листов, желательно, всеми давно забытый. Выплывет — спасется, защитится, получит постдок, начнет карьеру. Оперившись, он издаст этот текст книгой или статьей в приличном журнале. Этот процесс, помноженный на сотни судеб, и есть наращивание эмпирической базы, в том числе, в истории средневековой культуры. Более того, нет иных путей прогресса. Эти критические издания — первичны по отношению к интерпретациям предоставляемой ими информации. Некоторые медиависты остаются в области издания

³⁴О специфике профессионального языка искусствознания см., например: *Даниэль*. 2016: 287 — 372. *Бернштейн*. 2012: 169 — 200. *Воскобойников*. 2025: 21-25.

текстов навсегда, не переходя к синтетическим авторским книгам. Некоторые берутся за переводы и комментарии для широкой аудитории. И такие переводы, выполненные медиевистами, знающими материальную природу средневекового текста, отследившие его зарождение в недрах запутанной рукописной традиции, бывают очень ценными, в том числе, с методологической точки зрения. Ценными для тех, кто берется за синтез, за большие полотна, за Историю Культуры³⁵.

Средневековой латинской словесности в России в целом не слишком повезло. До 1917 года ее переводили мало, потому что страна была православной и, думаю, просто не слишком интересовалась духовным наследием средневекового Запада. Кому нужно было, читали на латыни. В советское время ситуация не слишком улучшилась: переводили мало, часто по старым, некритическим изданиям, снабжая куцыми комментариями, латынь в школах отменили и свели к минимуму на гуманитарных факультетах. Крупные переводчики, которыми в праве гордиться отечественная литература и наука, редко брались за памятники малопонятные широкому читателю и немилые цензорам. Правда есть целый ряд удачных опытов, вроде «Поэзии вагантов» и двухтомного Николая Кузанского, который чудом увидел свет и распространялся в тиражах, сегодня немислимых.

Отечественная классическая филология, которая могла бы стать в этом деле рулевым, уделяет средневековому наследию внимание в лучшем случае в рамках «рецепции» античных текстов. Ничего сопоставимого хотя бы с «Библиотекой античной литературы» для Средневековья пока не создано. При этом, безусловно, отрадно, что за 80 лет существования «Литературные памятники» посвятили, как минимум, три хороших книжных полки именно средневековому наследию. В нашей философской и историко-философской среде рефлексия над переводом и рецепцией мысли ведется постоянно³⁶. И хотя переводы современных мыслителей тоже частенько оставляют желать лучшего, все же результаты разработки соответствующего лексического инструментария налицо.

³⁵Отличный разбор истории переводов в России дает в недавней статье мой друг А.И. Сидоров, но я не уверен, что с конца XX в. «издано в несколько раз больше материала, чем за последние 200 лет». *Сидоров*. 2022: 49.

³⁶*Автономова*. 2008: 641 — 648. См. также специальный выпуск журнала «Логос»: Логос. Философско-литературный журнал. 2011. N. 5 — 6 (84).

В медиевистике подобная работа редко выражается в форме конференций и публикаций³⁷. Историков-медиевистов почти не учат переводу и чуть ли не нормой считается ученический подстрочник. Подстрочник же, как мне представляется, серьезный враг истории культуры и словесности. Он предполагает чаще всего обращение к словарю, но тот легко сбивает с толку, хотя бы потому, что один и тот же средневековый латинский текст может использовать одно и то же слово не просто в разных, но в почти противоположных значениях. У слов, как ни банально это звучит, тоже есть своя история, многовековая.

Зачастую историк слишком легко отказывается перевести слово или выражение, ссылаясь либо на специфику термина в его историческом контексте, либо на принципиальную непереводаемость. В результате наш диалог со средневековым прошлым обрастает целым лесом кавычек, иностранных слов, курсива, примечаний и обстоятельств. Все они не всегда открывают, но периодически заслоняют от нас это прошлое и его культуру. Мы сами приучаем мыслить в кавычках, используем самые простые слова иносказательно, резонно замечая, что даже любовь к детям в каком-нибудь VIII веке не такая, как сегодня в некоем общепринятом значении. Но и это «общепринятое» значение еще нужно отыскать.

В последние десятилетия ситуация с переводами в чем-то изменилась к лучшему, переведены сотни литературных текстов. Жаль, что эти переводы обсуждаются крайне редко, обычно кулуарно, в лучшем случае — в рецензиях. Но рецензии — не самый популярный сегодня жанр. Трехгрошевость переводческого труда в наше непростое время вообще не принято обсуждать в академической среде, поскольку она выше сытости. Наукометрия тем более аскетична: перевод мало в каких институтах вообще признается за научную деятельность.

Изредка решаясь представлять мои переводы в академической среде, я иногда получал вопросы примерно такого свойства: хорошо, это вы представили *художественный* перевод (например,

³⁷ Я имею в виду именно разработку методов перевода средневековых текстов на современные языки, а не средневековые переводы как часть истории средневековой словесности, вполне развитую область современной медиевистики. См., например: *Евдокимова*. 2011: 329 — 335. Важные методологические замечания для переводчика-медиевиста см.: *Garzone*. 2001: 33 — 58.

«Космографии» Бернарда Сильвестра), а когда нам ждать *научного* перевода? Признаюсь, я чувствовал себя загнанным в угол. А как я должен переводить художественный текст? Не художественно? Слово за словом, подчиняясь латинскому синтаксису? По моим представлениям, сформировавшимся на Чуковском и Норе Галь, художественный перевод в первую очередь точен и верен оригиналу³⁸.

Перескажите дантовскую «Комедию» прозой, точно следуя оригиналу, строго «научно». Сделайте то же с «Евгением Онегиным». Что останется? В лучшем случае — фабула. Но это не значит, что «Комедия» и «Евгений Онегин» неперево­димы или недоступны пониманию в переводе, как поэтическом, так и прозаическом. Другое дело, что за набор переводимых характеристик исходного текста каждый переводчик отвечает лично. Он может пожертвовать одной ради того, чтобы выделить другую. Примерно так же, как историк, воссоздавая событие, он выделяет одно, ступшевывает или упускает другое. У гениального переводчика передается и то, что переводчик начинающий или бесталанный вовсе не заметит. И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если стиль так же скрытен, как сама природа вещей, то как переводчику-медиевисту разложить его по полочкам своей лаборатории и затем аккуратно выдать на языке своей культуры? Боюсь, это так же непросто, как выделить, словно новый Аристотель, во всей средневековой культуре ее *категории*. По счастью, нам есть у кого поучиться и кого вспомнить в связи с подобными вечными вопросами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.

Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / перев. с нем. А.В. Михайлова. М., 1976.

Ауэрбах Э. Данте — поэт земного мира / перев. с нем. Г.В. Вдовиной. М., 2004.

Ауэрбах Э. Историческая топология / перев. с нем., комм. Д.С. Колчигина. М., 2022.

³⁸ Чуковский. 2008; Любимов. 2012; Галь. 2001.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / перев. с франц. В.П. Гайдамака, А.В. Матешука. М., 2009.

Берк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю / перев. с англ. А.О. Воскобойниковой. М., 2023.

Бернштейн Б.М. Об искусстве и искусствознании. СПб., 2012.

Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / перев. с нем. А.В. Дранова, А.Г. Гаджикурбанова. М., 2004.

Воскобойников О.С. 16 эссе об истории искусства. М., 2025.

Галь Н. Слово живое и мертвое. М., 2001.

Даниэль С.М. Об искусстве и искусствознании. СПб., 2016.

Евдокимова Л.В. От смысла к форме. Перевод во Франции XIV века: опыт типологии. М., 2011.

Жильсон Э. Разум и Откровение в средние века // Богословие в культуре Средневековья / Отв. ред. о. Леонид Лутковский. Киев, 1992. С. 3 — 48.

Зарубежная эстетика и теория литературы XIX — XX вв. Тракаты, статьи, эссе / Сост. Г.К. Косиков. М., 1987.

Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 3 — 38.

Кун Т. Структура научных революций / перев. с англ. Н.В. Назлетова. М., 1977.

Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье / перев. с нем., комм. Д.С. Колчигина. Т. I — II. М., 2021.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / перев. с франц. А.В. Руткевича. СПб., 2004.

Любимов Н.М. Книга о переводе. М., 2012.

Рехт Р. Верить и видеть. Искусство соборов XII — XV вв. / перев. с франц. О.С. Воскобойникова. М., 2014.

Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX — XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост. Г.К. Косиков. М., 1987. С. 313 — 334.

Сидоров А.И. Антикризисная вакцина: зачем медиевисты переводят и публикуют свои источники (заметки на полях читательской конференции журнала «Средние века») // Средние века. 2022. Вып. 83. N. 1. С. 38-55.

Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М., 1988.

Франкастель П. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто / перев. с франц. А.В. Шестакова. СПб., 2005.

Хаскинс Ч. Ренессанс XII века / перев. с англ. К. Главатских, И. Мажаева, Д. Лихачевой, А. Амосовой. М., 2025.

Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб., 2008.

Alloa E. Entre transparence et opacité — ce que l'image donne à penser // Penser l'image / Dir. E. Alloa. P., 2011. P. 7 — 14.

Bredenkamp H. La « main pensante ». L'image dans les sciences // Penser l'image / Dir. E. Alloa. P., 2011. P. 177 — 210.

Chenu M.-D. La théologie au douzième siècle. P., 1966.

Chenu M.-D. L'éveil de la conscience dans la civilisation médiévale. Montréal, P., 1969.

Crombie A. Styles of Scientific Thinking in the European Tradition. The History of Argument and Explanation especially in the Mathematical and Biomedical Sciences and Arts. Vol. 1 — 3. L., 1994.

d'Alverny M.-Th. Études sur le symbolisme de la Sagesse et sur l'iconographie. Aldershot, 1993.

d'Alverny M.-Th. La transmission des textes philosophiques et scientifiques au Moyen Âge. Aldershot, 1994.

De Libera A. Raison et foi. Archéologie d'une crise d'Augustin à Leibniz. P., 2003.

Dinzelbacher P. Structures and Origins of the Twelfth-Century 'Renaissance'. Stuttgart, 2017.

Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Basel, 1935.

Fleck L. Genesis and Development of a Scientific Fact. Chicago, 1979.

Foucault M. L'archéologie du savoir. P., 1969.

Garzone G. Quale teoria per la traduzione del testo medievale? // Testo medievale e traduzione / Ed. M.G. Cammarota, M.V. Molinari. Bergamo, 2001. P. 33 — 58.

Grabmann M. I Papi del Duecento e l'Aristotelismo. I. I divieti ecclesiastici di Aristotele sotto Innocenzo III e Gregorio IX. R., 1941.

Grabmann M. Methoden und Hilfsmittel des Aristotelesstudium im Mittelalter. München, 1939.

Gregory T. Anima mundi. La filosofia di Guglielmo di Conches e la scuola di Chartres. Firenze, [1955].

Gregory T. Platonismo medievale. Studi e ricerche. R., 1958.

Guibert de Nogent. De sanctis et eorum pigneribus / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1993.

Haskins Ch.H. Studies in the History of Medieval Science. Cambridge, Mass., 1924.

Haskins Ch.H. Studies in Medieval Culture. Cambridge, Mass., 1929.

Kessler H. Speculum // Speculum. 2011. Vol. 86. P. 1 — 41.

Mannheim K. Ideologie und Utopie. Frankfurt-am-Main, 2015.

Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R.L. Benson, G. Constable. Cambridge, Mass., 1982.

Renan E. Averroès et l'Averroïsme. Essai historique. P., [1866].

Renan E. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Œuvres complètes. T. II. P., 1948.

Renan E. Histoire de l'étude de la langue grecque dans l'occident de l'Europe depuis la fin du Ve siècle jusqu'à celle du XIVe / Éd. P. Simon-Nahum. P., 2009

Rey A. Des pensées et des mots. P., 2013.

Sartre J.-P. Qu'est-ce que la littérature ? P., 1948.

REFERENCES

Alloa E. Entre transparence et opacité — ce que l'image donne à penser // Penser l'image / Dir. E. Alloa. P., 2011. P. 7 — 14.

Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka. M., 2008.

Auerbah E. Mimesis. Izobrazhenie dejstvitel'nosti v zapadnoevropejskoj literature / Per. s nem. A.V. Mihajlova. M., 1976.

Auerbah E. Dante — poet zemnogo mira / Per. s nem. G.V. Vdovinoj. M., 2004.

Auerbah E. Istoricheskaya topologiya / Per. s nem., komm. D.S. Kolchigina. M., 2022.

Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.

Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie. Problemy i lyudi. M., 1995.

Benda Zh. Predatel'stvo intelektualov / Per. s franc. V.P. Gajdamaka, A.V. Mateshuka. M., 2009.

Berk P. Vzgljad istorika: kak fotografii i izobrazheniya sozdayut istoriyu / Per. s angl. A.O. Voskobojnikovoj. M., 2023.

Bernshtejn B.M. Ob iskusstve i iskusstvoznanii. SPb., 2012.

Bredkamp H. La «main pensante». L'image dans les sciences // Penser l'image / Dir. E. Alloa. P., 2011. P. 177 — 210.

Burkkhardt Ya. Razmyshleniya o vsemirnoj istorii / Per. s nem. A.V. Dranova, A.G. Gadzhikurbanova. M., 2004.

Chenu M.-D. La théologie au douzième siècle. P., 1966.

Chenu M.-D. L'éveil de la conscience dans la civilisation médiévale. Montréal, P., 1969.

Chukovskij K.I. Vysokoe iskusstvo. Principy hudozhestvennogo perevoda. SPb., 2008.

Crombie A. Styles of Scientific Thinking in the European Tradition. The History of Argument and Explanation especially in the Mathematical and Biomedical Sciences and Arts. Vol. 1 — 3. L., 1994.

Daniel' S.M. Ob iskusstve i iskusstvoznanii. SPb., 2016.

d'Alverny M.-Th. Études sur le symbolisme de la Sagesse et sur l'iconographie. Aldershot, 1993.

d'Alverny M.-Th. La transmission des textes philosophiques et scientifiques au Moyen Âge. Aldershot, 1994.

De Libera A. Raison et foi. Archéologie d'une crise d'Augustin à Leibniz. P., 2003.

Dinzelbacher P. Structures and Origins of the Twelfth-Century 'Renaissance'. Stuttgart, 2017.

Evdokimova L.V. Ot smysla k forme. Perevod vo Francii XIV veka: opyt tipologii. M., 2011.

Favorskij V.A. Literaturno-teoreticheskoe nasledie. M., 1988.

Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache:

Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Basel, 1935.

Fleck L. Genesis and Development of a Scientific Fact. Chicago, 1979.

Foucault M. L'archéologie du savoir. P., 1969.

Frankstel' P. Figura i mesto. Vizual'nyj poryadok v epohu Kvatrochento / Per. s franc. A.V. Shestakova. SPb., 2005.

Ga'l N. Slovo zhivoe i mertvoe. M., 2001.

Garzone G. Quale teoria per la traduzione del testo medievale? // Testo medievale e traduzione / Ed. M.G. Cammarota, M.V. Molinari. Bergamo, 2001. P. 33 — 58.

Grabmann M. I Papi del Duecento e l'Aristotelismo. I. I divieti ecclesiastici di Aristotele sotto Innocenzo III e Gregorio IX. R., 1941.

Grabmann M. Methoden und Hilfsmittel des Aristotelesstudium im Mittelalter. München, 1939.

Gregory T. Anima mundi. La filosofia di Guglielmo di Conches e la scuola di Chartres. Firenze, [1955].

Gregory T. Platonismo medievale. Studi e ricerche. R., 1958.

Guibert de Nogent. De sanctis et eorum pigneribus / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1993.

Haskins Ch. Renessans XII veka / Per. s angl. K. Glavatskih, I. Mazhaeva, D. Lihachevoj, A. Amosovoj. M., 2025.

Haskins Ch.H. Studies in the History of Medieval Science. Cambridge, Mass., 1924.

Haskins Ch.H. Studies in Medieval Culture. Cambridge, Mass., 1929.

Kategorii poetiki v smene literaturnyh epoh / Averincev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.L., Grincer P.A., Mihajlov A.V. // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya / Otv. red. P.A. Grincer. M., 2004. S. 3 — 38.

Kessler H. Speculum // Speculum. 2011. Vol. 86. P. 1 — 41.

Kun T. Struktura nauchnyh revolucij / Per. s angl. N.V. Nazletova. M., 1977.

Kurcius E.R. Evropejskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e / Per. s nem., komm. D.S. Kolchigina. T. I — II. M., 2021.

Le Goff Zh. Intellektualy v Srednie veka / Per. s franc. A.V. Rutkevicha. SPb., 2004.

Lyubimov N.M. Kniga o perevode. M., 2012.

Mannheim K. Ideologie und Utopie. Frankfurt-am-Main, 2015.

Rekht R. Verit' i videt'. Iskusstvo soborov XII — XV vv. / Per. s franc. O.S. Voskoboynikova. M., 2014.

Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R.L. Benson, G. Constable. Cambridge, Mass., 1982.

Renan E. Averroès et l'Averroïsme. Essai historique. P., [1866].

Renan E. Souvenirs d'enfance et de jeunesse. Œuvres complètes. T. II. P., 1948.

Renan E. Histoire de l'étude de la langue grecque dans l'occident de l'Europe depuis la fin du Ve siècle jusqu'à celle du XIVe / Éd. P. Simon-Nahum. P., 2009.

Rey A. Des pensées et des mots. P., 2013.

Sartre J.-P. Qu'est-ce que la littérature ? P., 1948.

Sartr Zh.-P. Chto takoe literatura? // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX — XX vv. Traktaty, stat'i, esse / Sost. G.K. Kosikov. M., 1987. S. 313 — 334.

Sidorov A.I. Antikrizisnaya vakcina: zachem medievisty perevodyat i publikuyut svoi istochniki (zametki na polyah chitatel'skoj konferencii zhurnala «Srednie veka») // Srednie veka. Vyp. 2022. 83. №. 1. S. 38 — 55.

Voskobochnikov O.S. 16 esse ob istorii iskusstva. M., 2025.

Zhil'son E. Razum i Otkrovenie v srednie veka // Bogoslovie v kul'ture Srednevekov'ya / Otv. red. o. Leonid Lutkovskij. Kiev, 1992. S. 3 — 48.

Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX — XX vv. Traktaty, stat'i, esse / Sost. G.K. Kosikov. M., 1987.